

Останутся солдатские стихи

Выход каждой книги для писателя, поэта, критика, как и для читателя, особенно если книжка не залеживается на прилавках, мгновенно расходуется по рукам, зачитывается, - конечно, праздник.

Книжка стихов Анатолия Кобенкова «Вечера» (Иркутск, 1974 г.) привлекла внимание любителей поэзии нашего города в первую очередь тем, что автор живет в Ангарске, частенько встречается с читателями в библиотеках, в книжных магазинах, на вечерах прозы и поэзии... Во-вторых, книжка своего рода этапна: А. Кобенков отслужил в рядах Советской армии, и было известно, что он сделал несколько примечательных циклов «армейских» стихов.

Само название сборника настраивает на раздумчивость, на доверительность интонации. И самые первые строки стихов, знакомящие с лирическим героем А. Кобенкова, который вышел к медленной реке жизненных воспоминаний, «где то и дело невидимая птица пела на непонятном языке, росой пахло, и звезда в сыром облаке стучалась, и облако отодвигалось и уходило в никуда...», - прекрасный поэтический зачин. Многозначный образ завораживает сразу, и мы за поэтом входим в его «музей» - в его «Вечера», чтобы узнать, что передумал поэт, что его волнует, радуется, беспокоит...

Июль – веселый месяц лета,
Он на полянах разложил
Ромашек белые береты,
Он в Уссури плеснул чернил;
Он тени постелил влюбленным
И отдал в руки площадей
Пропеллеры колючих кленов
И пух пушистых тополей...

Здесь каждая строчка – образ, неожиданный, стремительный, точный. На страницах книжки таких тропов художественной речи – метафор, метонимий – много, перечислить будет трудно. Поэт доказывает, что он отлично работает белым стихом («Осенью, когда летят журавли», «Та женщина, которую люблю», «Осень»), разнообразием интонационным («Грач смотреть скворечники утром приходил», «Последний месяц летнего тепла, ему три дня отсчитано кукушкой»), с неповторимыми находками («Седая печь изобретает пламя», «Апрель сочиняет ручьи...»).

Основу сборника составили вот такие, точные по мысли и исполнению стихотворения, образные, легко запоминаемые и по строчкам, и в целом, —

«Все останется между нами», «До чего же я жил бестолково», «Тетрадь из Михайловского», «Стихи Токтогула», «Сентябрь», «Письма», «Стихи июля»...

«Вечера» задуманы своеобразно, повторяю — задуманы! В один из грустных вечеров, когда ностальгия — эта «грустная штука, болезнь, непонятная людям» — заставляет сжаться сердце по родным местам, лирический герой А. Кобенкова, вместе со своими однополчанами выполнив нелегкий солдатский дневной труд, в свободный личный час раздумался о том, что осталось в прошлом, что предстоит, о женщине, которая ждет... И тогда вспоминается детство, день минувший, «жизнь городская — семь квадратов жилых», печали городов осенних, первые стихи и первые мальчишеские переживания... И вновь — солдатская жизнь по уставу, печальная пора солдатских писем.

Так задумывалась книжка. И она была бы цельной, емкой, и «Вечера» не превратились бы в провинциальные вечерки, если бы А. Кобенков имел, скажем так, мужество или просто-напросто более желания вычеркнуть из книжки «Давай оставим на потом», «Уставала женщина», «Когда-нибудь уеду в сопки», «Скрипит, как матросская сходня», «Остановка «Апрель», «Она лицо в ладони прятала»...

Уверяю вас, цельнее и емче стала бы книжка! Если у вас под рукой, читатель, есть «Вечера», прочтите сборник заново, но без названных стихов, и вы, надеюсь, согласитесь со мной... Перед вами окажется своеобразный собеседник, уверенно осваивающий трудную профессию «дворника» в великом пушкинском саду...

Поэты и прозаики не всегда видят беды своих произведений, своих книжек, и тут необходима твердая рука редактора. Но, видимо, редактор Л. Иоффе не очень требовательно подошла к рукописи, задумку книжки внимательно не прочла, разрешив поэту выплеснуть в книжку все, что поэт предложил, не помогла выявить поярче его отличную идею «учиться думать и молчать...».

Прежде всего после прочтения книжки бросается в глаза непрочность «выстроенности» «Вечеров». В чем она, на наш взгляд, проявляется? Когда бы этот сборник был с тремя разделами, пусть без названий, только с цифрами или заставками художника, или бы каждая часть книжки имела свое название (первая — «Останутся солдатские стихи», вторая — «Мне кажется, я снова в детстве», третья — «Тропинки» или «Сентябри»), тогда не вошли бы в эти «Вечера» звучащие как автопародия «Весна» и «Я сам закурю папиросу и сам посмотрю на звезду, задам себе много вопросов и много ответов найду,

придумаю что-нибудь в прозе (?), пока не уйду за квартал, где можно стоять у березы, — о чем я все лето мечтал (?!)».

Легковесность, даже двусмысленность этого стиха очевидны. Или вот еще один пример стилистической неточности, строка с двумя значениями, читай, как хочешь: «Я проснусь возле родины с сединой на виске. Обниму ее, тихую, и душой и строкой...». Кто же все-таки седой: родина или лирический герой?

Почему мне показался надуманным стих «Она лицо в ладони прятала, разом шпильки растеряв, она в подушку долго плакала и не смотрела на меня»? Потому что сразу же припомнился давнишний (1959 года) стих Е. Евтушенко «Ты говорила шепотом: «А что потом, а что потом?». Трансформация А. Кобенкова иная: «Я говорил: — Не плачь, любимая, — пусть будет радость иль беда — не плачь, любимая, люби меня, люби и жди меня всегда...» (?). И герой пошел по влажным скверикам, как мальчик пламенной войны (?), веселый и в себе уверенный...

Снова логическая неувязка, неточность, разрушающая весь стих. Поэтическая раскованность лирического героя приводит не только к автопародиям.

Завороженный найденным тропом, образом, А. Кобенков использует его несколько раз. Вот примеры: «Он в Уссури плеснул чернил» («Стихи июля»), «Первым лужам подарю чернила» (начало стиха). «Останется блокнотик голубой...» — На каждый месяц был блокнот. Если говорит о женщинах, то обязательно «теплых» (?) «Сурового, как Цезарь, старшины» — «Она читает книги Цезаря»...

Это ни в коей мере не поэтическая задумка: в стихах нет переключек, они разной временной ассоциации. Как мне видится, использование одних и тех же находок в одной книжке неправомерно.

От мальчишеской бравады «я все на свете понимаю, я все на свете совершу», из автопародии «Весна» родились и завладели сборником стихи, где «по стаканам бродят вина и пробкой выбит потолок, там винных запахов лавина пол выбивает из-под ног» («Одесские стихи»), «Там брага, как барин (?), рокошет в углу», «Он вино глотал, как шарики клоун в цирке шапито», «и булькало в надтреснутой бутылке дешевое вино», «я улыбнулся этому еврею и молча выпил за его здоровье», «я еще умею без вина в своей любви к прохожему признаться», «Я буду бить его ногой, кроватью и посудой, карандашами, кочергой.., чтоб людям рассказать, как я умею драться...»

Естественно, лирическому герою поэта (мы редко отождествляем авторов с героями) интересны все эти манерные, дневниковые воспоминания,

он баюкает их, любит их («если не спасут меня деревья, то цветы спасут наверняка... Продаю холодильник — покупаю сверчка»).

Облик лирического героя «Вечеров», вынесенный из книжки, — человек, который хочет вырваться из детства, но окован розовыми путами.

Выше отмечалось, что в книжке А. Кобенкова много поэтических образов. Они — залог, основа того, что «пора раскрыть осенние тетради и, в окна низенькие глядя, писать до самого утра».

Мутин В.

Знамя коммунизма. – 1975. – 13 февр. – С. 3.